

Надежда Вадимовна СУХОВА¹
Фания Фаилевна ЧАМАЛЕТДИНОВА²

УДК 347.9:341.641

ПАССИВНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ НЕЧЕСТНОСТИ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

¹ кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Тюменский государственный университет
n.v.sukhova@utmn.ru

² магистр права,
кафедра гражданского права и процесса,
Тюменский государственный университет
stud003924602@study.utmn.ru

Аннотация

В статье рассматривается отношение правовой науки и правоприменения к вопросу о злоупотреблении правами. Авторами делается акцент на том, что реформирование процессуального законодательства в первые десятилетия XXI столетия соответствует тенденциям интернационализации гражданского процесса, в рамках которой происходит конкретизация принципа доступности правосудия в истинном его понимании как правовой ценности. В этом смысле констатируется, что злоупотребление правом на иск — одна из самых важных проблем гражданского процессуального права, требующих решения в целях повышения справедливости и эффективности национального судопроизводства. Анализ пассивной процессуальной позиции проводится в траектории злоупотребления правом. Авторы признают, что в связи с эпидемией COVID-19 необходимость строгого наказания нечестности сторон на суде с целью содействия добросовестности в гражданском процессе становится ответом на сложив-

---

Цитирование: Сухова Н. В. Пассивная процессуальная позиция и проблемы нечестности сторон в гражданском процессе / Н. В. Сухова, Ф. Ф. Чамалетдинова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 172-191.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-172-191

шуюся судебную практику. Наряду с этим обращается внимание на то, что наиболее важные проблемы сегодня связаны с усовершенствованием механизмов поощрения исполнения процессуальных законов и правил гражданского судопроизводства, а не только системы наказания за нечестное поведение. Такая постановка практической проблемы обуславливает методологию исследования. По мнению авторов, решение серьезных проблем, связанных с недобросовестностью сторон, должно основываться не только на теоретическом (и монистическом) подходе, а на подходе плюралистическом и коммуникативном. И в этом смысле данное исследование является новым. В статье обосновывается, что неудачи процессуальной теории в изучении явления злоупотребления правами и объяснении добросовестности в гражданском процессе есть факт научного развития, подлежащий методологическому исследованию: методологической оценке этого факта; возникает вопрос о существовании явления; специальные цели гражданского процесса — направления развития процессуального права неизбежно порождают собственные юридические толкования, в частности, это наблюдается в случае оценки добросовестности в судебном процессе с точки зрения других отраслей права.

Ключевые слова

Злоупотребление правами, категория добросовестности, принуждение и правовые санкции в гражданском процессуальном праве.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-172-191

Введение

Недобросовестность в гражданском процессе

Обращаясь к явлению пассивной процессуальной позиции, следует начать с того, что в правовой науке достаточно редко уделяется какое-либо внимание собственно взаимоотношениям между участниками судебного процесса — главным образом деятельности сторон.

Согласно принципам, определяющим взаимодействие суда и сторон, предполагается, что господство в области спора, как правило, принадлежит сторонам и что именно они имеют возможность оспаривать претензии, аргументы и доказательства друг друга. Они имеют право не хотеть защищаться.

С другой стороны, есть тысячи очевидно необоснованных разбирательств. Одна из самых серьезных проблем — злоупотребление правом на иск с помощью таких ухищрений, как предъявление заведомо неосновательных исков, — всё это можно встретить в рамках современной судебной системы.

Первые упоминания о злоупотреблении и защите добросовестности можно обнаружить еще в общих истоках гражданско-процессуального закона, в романо-канонических моделях, которые со временем превратились в культурные памятники средневековой Европы. Относительно полная и расширенная концепция как в нашей стране, так и за рубежом появилась только к концу XIX в., перейдя

из простой позиции судов в категорию нормативных предписаний [1, с. 51]. Спустя некоторое время институт злоупотребления правом стал не только международным, но и межотраслевым, имея отношение к отраслям как материального, так и процессуального права.

Во многих государствах Евразии мерами защиты против недобросовестных субъектов служат: возложение судебных издержек на виновную в недобросовестном ведении дела сторону, взыскание с нее убытков, причиненных противнику, наложение на нее штрафа, арест и даже уголовная ответственность, что выполняет в том числе и предупредительную функцию в отношении лица, планирующего злостные действия. В этом аспекте реформирование Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) в XXI в. (2010 г., 2018-2019 гг.) соответствует тенденциям интернационализации гражданского процесса, в рамках которой происходит конкретизация принципа доступности правосудия в истинном его понимании как правовой ценности. И в этом смысле констатируется факт существования важнейших вопросов, требующих решения в целях повышения справедливости и эффективности национального судопроизводства. В этом же смысле недобросовестное поведение участников спора угрожает реализации функций гражданского процесса.

Во все эпохи и у всех народов необходимость строгого наказания вышеназванных действий с целью содействия добросовестности сторон в гражданском процессе становится ответом на сложившуюся судебную практику. Наряду с этим сегодня наиболее важные проблемы связаны с усовершенствованием механизмов поощрения исполнения процессуальных законов и правил гражданского судопроизводства, а не только системы наказания за незаконное поведение. Такая особенность законодательного регулирования судебного процесса черпает свое основание в международном праве и в том числе в транснациональных источниках права¹.

Цифровой этап развития системы принципов процессуального права, применение новых технологий выступают в данном случае одними из детерминантов трансформации гражданского правосудия, судебного процесса и самого закона. В настоящее время системы гражданского правосудия всё еще борются с принятием фундаментальных изменений, обусловленных развитием современной жизни, о чем свидетельствуют многочисленные исследования в области электронных технологий. Это означает, что в решении проблемы недобросовестного поведения на суде мы должны устремлять свои взоры не только на соответствующее законодательство, юридическую литературу, правоприменительную практику или решения суда. Необходимо также учитывать и то, что для того, чтобы наша судебная власть стала лучше, мы постоянно должны иметь в виду соотношение права с живой и находящейся в постоянном движении правовой действительностью. Кроме того, установление электрон-

¹ О влиянии Принципов транснационального гражданского судопроизводства ALI / UNCITRAL см. [23].

ного правосудия (модное и часто используемое понятие во многих государствах) не должно создавать систему судопроизводства, в которой «электронный» элемент является самоцелью.

Материалы и методы

*Преобладающие точки зрения
в отечественной правовой доктрине
на злоупотребление правом
и добросовестность в гражданском судопроизводстве*

В качестве предварительного замечания мы хотели бы подчеркнуть, что в отечественной правовой доктрине до сих пор даже при обсуждении дефиниции «злоупотребление процессуальными правами» существует множество дискуссионных вопросов и проблем. Это является следствием того, что процессуальная наука сосредоточила свое внимание исключительно на теоретической стороне вопроса о признаках злоупотребления правами в гражданском (арбитражном) процессе. Поэтому основная цель этой научной работы далеко не вполне достигнута.

Считается, что само понятие «злоупотребление» производно от слова «зло». Известный российский цивилист профессор В. П. Грибанов выразил подобную мысль с исключительной ясностью: «...злоупотребление правом — это использование права „во зло“» [5, с. 44-45]. Практически всеми при этом признается, что в рамках процессуального злоупотребления тяжущиеся используют свои права лишь в целях дестабилизации судопроизводства и подрыва авторитета судебной власти. В этом же смысле конкретизируется понимание злоупотребления участниками судопроизводства своими правами как деяния, которое причиняет вред не только интересам других субъектов, но и интересам правосудия и выражается в нарушении сущности, целей и задач гражданского процесса. Подобное хорошо известное мнение высказывает профессор А. В. Юдин, автор специального исследования, посвященного изучению сущности явления злоупотребления правами в гражданском судопроизводстве [20].

В этом же ключе раскрываются признаки такой категории, как злоупотребление процессуальным правом. Характеристика злоупотребления правом как противоправного деяния, совершение которого возможно только с умыслом, является господствующей тенденцией, характерной для отечественной правовой мысли. Сторона должна знать и умышленно желать наступления неблагоприятных последствий, иначе право не будет использоваться «во зло», не будет намерения причинить вред. С этих позиций даже предлагается рассматривать злоупотребление правом как вид неуважения к суду [2, с. 49].

Если попытаться подвести итог всей этой научной работы, то в результате можно сформулировать следующее определение рассматриваемого явления. Злоупотребление процессуальным правом — это виновное деяние лица, участвующего в деле, выраженное в недобросовестном использовании принадлежащих ему процессуальных прав, повлекшее нарушение условий

осуществления субъективных процессуальных прав, ограничение возможности использования или нарушение прав других лиц, участвующих в деле, а также повлекшее нездоровое влияние на правильное разрешение дела в пределах определенного времени. Даже те ученые, которые ратуют за признание добросовестности в качестве специфического отраслевого принципа, на основе точно такого же исследования настаивают на том, что злоупотребление процессуальным правом имеет место тогда, когда субъект действует недобросовестно, однако производит впечатление, что использует свои права и выполняет обязанности в рамках законодательства. Что же касается защиты добросовестности, то обыкновенно, в духе теории принуждения, выражаются так, что речь идет именно и только о принуждении к исполнению. Они доказывают, что всякое действие, совершенное недобросовестно, ведет к определенным правовым последствиям в виде санкций [8]. Однако все согласны в том, что определение добросовестности как принципа гражданского права легитимирует этические ценности и мораль в области гражданско-правового оборота. Таким образом, здесь получается противоречие, иногда представляющееся настолько безысходным, что вызывает даже скептическое отношение к постановке самой проблемы.

Проделанный нами предварительный анализ явно показывает, что теперь все основные и существенные аргументы в изучении вопроса о злоупотреблении правом этим путем уже исчерпаны. Конечно, догматические подходы в рамках официального процессуального правоведения в наши дни стали смягчаться под воздействием стремительных вызовов реальности повседневной жизни. Это находит свое проявление в интерпретации гражданского процессуального права через механизм процессуальных гарантий отправления справедливого правосудия, основных принципов процесса и по большому счету справедливости и процессуальной, «правосудной справедливости», которая образует центральную идею, придающую смысл и цель современным трансформациям правосудия по гражданским делам и судопроизводства. Подобное толкование продолжает оставаться в известной степени одномерным, особенно в случаях, когда его применяют к определению исходных и основных для судебной процедуры явлений, которым не придается точного содержания ни законодательством, ни судебным решением.

Одно из таких явлений — стандарт подходящего и неподходящего поведения в гражданском процессе, который по смыслу нормы ст. 35 ГПК РФ [4] нашел свое отражение в выражении, требующем от сторон и других участников при пользовании предоставленными им процессуальными правами придерживаться добросовестности. Принцип добросовестности в гражданском процессе не имеет у нас легального определения. По сравнению с процессуальными принципами общее у всех таких выражений то, что они не имеют абсолютных формулировок и должны применяться с учетом наличной фактической стороны дела. Этим стандарт отличается от обычного правила. Тем не менее при толковании данного выражения в контексте источников права оно может

иметь только одно значение — обычного правила поведения, установленного для ведения дел на суде. Хотя, судя по юридической литературе, предпринятое рядом авторов толкование этого стандарта поведения «лица, участвующего в деле», — особенно с учетом этических предпосылок добросовестности в гражданском процессе — приводит их к различным выводам. В частности, некоторые исследователи рассматривают его в качестве презумпции добросовестности в гражданском судопроизводстве. Более того, в настоящее время, по мнению других авторов, правила толкования п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) позволяют увидеть в нем «базовое положение» для определения добросовестности в качестве принципа отрасли гражданского процессуального права (об этом мы говорили выше). А это означает, что из положений материального законодательства принцип должен перейти в право процессуальное.

Бесспорно, что при необходимой относительности этих правовых понятий использование такого широкого теоретического обобщения для усиления законности и сохранения единства правопорядка вполне оправданно. И именно поэтому возникает необходимость обсудить вопрос, имеющий отношение к степени обособления понятия добросовестности в сфере гражданского процесса с учетом его созвучия с категорией добросовестности в области гражданских правоотношений.

Мировая практика показывает, что во многих странах в ходе последних реформ наблюдается тенденция к утверждению собственных идей и ценностей гражданского процесса. Как объясняет, например, доктор права Нань Гун, в китайской правовой науке тем не менее предпочитают рассматривать необходимость закрепления принципа добросовестности в гражданском процессуальном праве в связи с развитием добросовестного иска в римском праве [6, с. 194]. Требование соблюдать принцип добросовестности содержится в Гражданском процессуальном кодексе Китайской Народной Республики (п. 1 ст. 13). В итоге особенная его часть обогатилась положениями, в которых оговаривается, что исковые действия участников судебного процесса должны совершаться приемлемым способом и добросовестно. Здесь мы имеем дело с языком закона, которым выражаются принципы.

В России, к сожалению, консенсус относительно самостоятельности норм процессуального права не достигнут. Однако в кругах ведущих юристов и ученых-процессуалистов всего мира обычно указывают на то, что очевидно, что процессуальное право непосредственно не зависит от материального, даже несмотря на их тесную взаимосвязь и взаимное влияние. В итоге предполагается, что стратегические направления в развитии современного гражданского процесса или особенности его правового регулирования неизбежно порождают собственные процессуальные толкования, нередко идущие в противовес материальному праву. В этом отношении анализ национальной российской правоприменительной практики в области деятельности судебных органов дает удивительные результаты.

Так, в постановлении от 23.06.2015 № 25, касающемся применения положений раздела I части первой ГК РФ, в отношении принципа добросовестности в сфере частного права пленум Верховного суда Российской Федерации указал: «В силу пункта 4 статьи 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» [11, с. 2]. Суд при этом воспроизводит лишь заключенный в языке нормы принцип, не детализируя набор ситуаций, к которым соответствующие нормы материального права применяются. В ГК не раскрывается понятие разумности и добросовестности применительно к осуществлению гражданских прав. В действительности эти ситуации нельзя предсказать. Очевидно, что законодатель оставляет на усмотрение судов разрешение таких фактических ситуаций в гражданском обороте. При этом эта реакция основывается преимущественно на опыте судьи в восприятии ценностей, на которых основывается принцип добросовестности, установленный для частного права и сферы предпринимательской деятельности. Сфера применения принципа «добросовестности» определяется судом с учетом характера и материально-правовых последствий допущенного злоупотребления. В зависимости от этого он может отказать лицу в защите принадлежащего ему права, а также применить иные законные меры, в том числе возмещение причиненных этим убытков.

Обратимся теперь к стандарту добросовестности в области гражданского процесса. Например, применяя этот критерий в отношении манипуляций с подсудностью, высшие судебные инстанции строго придерживаются позиции о недопустимости отмены судебных постановлений только в связи с указанием стороны в последующих инстанциях на неподсудность гражданского дела. Эта реакция на нарушение процессуальных норм должна основываться на опыте судьи, с одной стороны; с другой стороны, судья должен рассмотреть различные социальные цели, такие как право на судебную защиту, справедливость и эффективность судопроизводства, по конкретному гражданскому делу. В частности, в отношении соблюдения правил подсудности Конституционный Суд Российской Федерации¹ придерживается следующей позиции: рассмотрение дела судом, которому оно подсудно — элемент конституционного права на судебную защиту, нарушение которого не отвечает требованию справедливого правосудия. Из этого вытекает, что недобросовестное использование правил подсудности оценивается в области правоприменительной судебной практики как дезавуирование права обратиться с иском в суд. Следовательно, добросовестность и честность лица, обратившегося в суд, также должны учитываться. В этой связи заметим, что особенным признаком гражданского судопроизводства признается строгость процессуальной формы. А более пристальное рассмотрение процессуального кодекса показывает, что в отличие от материального права ГПК располагает доступными инструментами возвращения в прежнее состояние

¹ Об этом подробнее см.: [12, 13].

«исцеления правоотношения». В указанном смысле притязание на защиту имеет в большей степени разъясняющее значение. И поэтому едва ли может рассматриваться в качестве исходного момента для объяснения судебной процедуры, ее ценностей. В то же время обращением к стандарту правомерного поведения на суде возможно устранение недостатков ошибочных форм и восстановление процессуальных сроков. В этом смысле принцип добросовестности при истолковании и исполнении обязательств выступает дополнительно смягчающим фактором, позволяющим бороться с нечестным использованием процессуальных ошибок или недобросовестно достигнутым процессуальным положением. ГПК допускает переоценку и корректировку процессуальных действий и доказательств.

Так или иначе, индивидуализирующие признаки добросовестности в гражданском судопроизводстве являются теми подводными камнями, о которые разбивается всякая попытка подобных обобщений, основанных только на материально-правовых представлениях и, соответственно, — вере в проникновение (диффузию) принципов одной отрасли права в другую.

Важный фактор, который, представляется, требует сегодня особого внимания при обсуждении существующего правила ст. 35 ГПК РФ, касается соображений в области правовой политики. Здесь прежде всего речь идет о тех из них, которые базируются на основных процессуальных принципах или на стандартах (таких как разумность, честность и добросовестность в гражданском процессе, беспристрастность правосудия), и тех, которые основаны на политических целях в отношении модернизации правосудия, гражданского процессуального права и судопроизводства (таких как создание справедливой, эффективной, авторитетной судебной системы).

Мы хотели бы подчеркнуть, что юридический и жизненный опыт, мировоззрение сообщества юристов приводят к выводу, что наряду с основными принципами процесса такие стандарты имеют значение как минимум еще в одном аспекте. В отдельных конкретных ситуациях и законодатель, и судебная практика напрямую связывают правовые последствия за нарушение норм процессуального права с соответствием или несоответствием поведения лиц, участвующих в деле, стандарту добросовестности в гражданском судопроизводстве. Становится всё очевиднее, что непосредственное применение судом стандарта добросовестности реально может способствовать достижению важной задачи судопроизводства: правильно установить факты дела и обеспечить эффективную своевременную защиту прав и различных интересов.

Применяя этот критерий, судья должен разумно осуществлять свои полномочия, заставляя тех, кто участвует в рассмотрении дела, соблюдать правила гражданского судопроизводства, как и сам должен им следовать, поскольку задача реформ состоит в том, чтобы предотвратить их использование сторонами в чью-либо пользу на формальных основаниях. Даже в случае отсутствия конкретных определений в ГПК, всё это при подходящих фактических обстоятельствах оставляет место для судебного усмотрения.

Результаты и их обсуждение

*Пассивная процессуальная позиция
как форма злоупотребления правом:
проблемы теории и практики*

Частично по причинам, описанным в предыдущем абзаце, возникает и другой, особенно важный для юриста вопрос: о форме недобросовестного поведения и его проявлениях на суде.

В современной науке «живет» мнение, что формой злоупотребления в процессуальном праве является нарушение принципов судопроизводства [18]. И в самом деле, они образуют исходные положения для обдумывания и взвешивания в толковании норм при имеющихся обстоятельствах конкретного дела согласно принятому методу. Базовые принципы гражданского процесса имеют непреложное значение для понимания и применения закона.

В юридической литературе выделяются следующие формы злоупотреблений: злоупотребление процедурой разрешения спора (то есть лица, участвующие в деле (также и суд), должны использовать предусмотренные законом процессуальные институты в духе честности, соблюдая принцип всеобщего доверия); злоупотребление отдельными процессуальными правами.

Это тем более актуально, как показал вызов COVID-19, что из-за возможных задержек в судебных разбирательствах и больших временных затрат, связанных с обеспечением проведения онлайн-заседаний, имеется риск нарушения процессуальных прав других участников процесса. В период пандемии обозначились следующие проблемы: права основных участников процесса терпят определенные ограничения; АПК и ГПК России, равно как и какие-либо иные федеральные законы и нормативные правовые акты, не предусматривают возможность онлайн-заседаний и не регулируют порядок их проведения; в условиях онлайн-заседаний невозможно реализовать право председательствующего судьи на запрет фиксировать судебное заседание с помощью средств звукозаписи, кино- и фотосъемки, трансляции судебного заседания по радио, телевидению в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Наряду с этим в связи с применением новых технологий в судебном процессе у юристов и ученых-правоведов обычно возникают вопросы относительно соблюдения гарантий защищенного электронного документооборота (к адвокатам, экспертам в связи с сохранением личных данных). Злоупотребление сторонами принадлежащими им процессуальными правами стало серьезной проблемой. Судебная практика использования онлайн-технологий выявила: несовершенство связи (исчезает звук, обрывается связь, теряется зрительный образ участника процесса и т. д.); изменение контекста «обстановки», в которой стороны «выступают» перед судом (находясь в автомобиле, на кухне, на улице и т. д.). Режим онлайн-общения не способствует качественной оценке допустимости судебных доказательств, а тем более установлению их достоверности. В результате страдает судебная справедливость, право на доступ к правосудию.

В дополнение к этому правоприменение и литература ориентируют нас на рассмотрение пассивной процессуальной позиции в форме злоупотребления процессуальными правами.

В одном из дел о взыскании судебных расходов Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа решил, что именно пассивная процессуальная позиция одной из сторон, которой не было представлено пояснений по отзыву на жалобу и никаких доводов и доказательств, опровергающих позицию оппонента, привела к затягиванию арбитражного процесса. И определил в ее действиях злоупотребление правом.

В этой связи в недавней полемике в юридической литературе был затронут вопрос о том, что законодательство не устанавливает для сторон дополнительных процессуальных обязанностей в споре о возможности судебных органов определить в аналогичных случаях отсутствие заинтересованности лица в защите права. Ибо в законе закреплено право суда рассматривать дело на основании существующих доводов и судебных доказательств. Конечно, это проблематично, однако одновременно обозначился риск злоупотребления процессуальными правами в таком аспекте, как заявление необоснованного иска [2].

Так или иначе, в настоящее время — на цифровом этапе развития системы принципов гражданского процессуального права — всеми признается, что нечестность при ведении дела на суде серьезным образом влияет на справедливость и эффективность судопроизводства. А следовательно, взору исследователя не может не открыться, что злоупотребление правом на иск — это важнейшая проблема судебной практики и теории гражданского процесса.

*Злоупотребление правом на иск
как один из основополагающих вопросов
процессуальной теории и практики*

Проблемы нечестности сторон гражданского процесса подтверждают значимость стандарта добросовестности для сферы судопроизводства и обеспечения общественного доверия к правосудию. Отсюда вытекает острая необходимость обсудить меры, которые используются на практике против этого с целью содействия добросовестности на суде. Верховный суд РФ по данному поводу неоднократно высказывал свою позицию. Она заключается в том, что отказ в защите права лицу, злоупотребляющему правом, является не наказанием, а защитой прав лица, пострадавшего в результате этого злоупотребления. Подобная оценка действий виновного лица прямо вытекает из положений п. 2 ст. 10 ГК РФ, регулирующей вопрос о пределах осуществления гражданских прав. В этом плане в правоприменении и в правовой науке указывают на то, что недобросовестное (виновное) поведение должно пресекаться путем применения разнообразных правовых санкций (оставления заявления без движения, его возвращения или отказа в принятии, отказа в удовлетворении исковых требований и прочего, в зависимости от характера такого поведения). Причем при этом подобные санкции могут быть применимы и в ситуации, когда лицо при обращении с иском в суд добросовестно заблуждалось.

Итак, перед нами встает дилемма: означает ли это, что гражданское процессуальное право для своего применения обладает полноценной значимостью и без всякого институционального принуждения или организованного принуждения должно необходимо осуществляться на деле всякий раз, когда имеется налицо случай недобросовестного поведения участников судебного процесса по гражданскому делу?

Подчеркнем, что даже наиболее важные юридические предписания ГПК РФ не сопровождаются принудительными мерами (в смысле теории принуждения) против этого, не говоря уже о положениях процессуального законодательства, касающихся предъявления исковых требований и принятия дела к рассмотрению, представления доказательств и доказывания, а также механизмов взаимодействия примирительных процедур и суда.

Чтобы в этом убедиться, уместно вспомнить об аргументации порочного круга, в котором вращаются те теоретики, которые считают необходимым определять право путем приписывания ему принуждения в качестве сущностного признака. Никто не охарактеризовал ситуацию лучше, чем крупный российско-польский правовед Л. И. Петражицкий [10]. Представляется, что нам нет нужды идти за Петражицким слишком далеко и повторять его утверждение, что это движение по кругу носит преднамеренный характер с тем, чтобы подпитывать веру в авторитет собственно нормативной системы позитивного права. Более уместным представляется утверждение, что психологические исследования права указывают на существующую потребность в ином взгляде на природу взаимоотношений явлений суда со специфической природой права. Выше мы говорили, что обычно в юридической литературе в области гражданского процессуального права важность элемента принуждения трактуется слишком широко. На вопрос о том, что заставляет участников гражданского дела соблюдать правила судопроизводства, приверженцы господствующей теории обыкновенно дают ответ, который сводится к тому, что они соблюдают закон, потому что боятся применения насилия со стороны правоприменительной власти (или «санкции», по наиболее частому выражению). Говоря о принципе неотвратимости ответственности за нарушение требований процессуальной нормы, то есть с момента правонарушения, никаких веских соображений в подтверждение этого утверждения не приводят, а в качестве доказательства просто используют терминологию иной отрасли права (в частности, уголовного права). Подобное положение вещей может весьма легко привести к убеждению относительно большинства процессуальных норм — в частности, направленных: на нормализацию порядка обращения с иском в суд, представления, проверки и использования электронных (цифровых) доказательств, на стимулирование дисциплинированности участников процесса и улучшение процессуальной дисциплины, применение дополнительного порядка судебного утверждения мирового соглашения, — что они не суть нормы права.

Далее, что касается последствий злоупотребления правом на суде, согласно господствующей у нас правовой доктрине, получают (в виде *reductio*

ad absurdum (лат. — сведение к абсурду)) следующие выводы. Если утверждается, что нормы гражданского процессуального права обладают конститутивными свойствами юридической нормы, то следует предположить, что у нас существует бесконечное число норм (при этом норм и процессуального, и материального права, которые устанавливают принуждение за их нарушение). Из истории права нам известно, что проверить и доказать это, само собой разумеется, невозможно, так как это требовало бы бесконечного доказательства. Между тем выход из этого затруднения в отечественном правовом позитивизме был найден. А именно: в учении о соотношении регулятивных (первичных) норм и правоотношений, которые формируют образец поведения, и охранительных (вторичных), реализующих охранительное содержание норм материального права. В цивилистической литературе эта теория сама по себе превратилась в самодостаточный образ. Разработка данного вопроса в теории процесса — пример того, как наука, которая занимается только теоретизированием в области права, наиболее предрасположена к утрате связи права с реальностью повседневной жизни; и попытка объяснить при помощи этого деления положение о добросовестности в гражданском процессуальном законодательстве не является исключением. В результате — как и в решении проблемы злоупотребления процессуальными правами — всё свелось к спору о терминах. В конечном итоге это приводит к тому, что разрыв между процессуальной теорией с одной стороны и юридической практикой с другой становится слишком очевидным. Именно поэтому наука в области гражданской юстиции провозглашает тезис, что центр развития системы гражданского судопроизводства в XXI в. следует искать не в чисто словесных упражнениях на тему о праве, а в реальной сущностной основе правосудия по гражданским делам и в основе гражданского процесса. То есть прежде всего в юридическом опыте — реальном, повседневном опыте, который придает смысл деятельности законодателей, правоведов, практикующих судебных юристов, сторон, ищущих на суде, и судей.

Таким образом, мы можем извлечь вывод не только о том, что сторонники подобных воззрений забывают, что природа права коммуникативна, как хорошо показал Л. И. Петражицкий. В этом плане немалой заслугой выдающегося правоведа было обнаружение императивно-атрибутивной структуры права. Однако он указал только на психическую природу права и проигнорировал такой важный вывод из своей концепции, что право связано еще с интеллектуально-эмоциональным (ценностным) переживанием. Вследствие этого в механизме действия гражданского процессуального права физическое принуждение не может играть той доминирующей роли, которая некоторыми юристами считается необходимой. В большинстве случаев правила гражданского судопроизводства соблюдаются добровольно в силу уважения к их обоснованности и целесообразности, что, в свою очередь, означает отказ от злоупотребления судебными формальностями. Современные социологические исследования и исследования психологов показали, что в обеспечении подчинения установленным процессуальным формам

такие факторы, как доверие к правосудию, честность, справедливость и доброта, гораздо важнее, чем насилие. Именно тогда, когда определенные стандарты поведения действуют во всех сферах правовой жизни: в гражданских правоотношениях и предпринимательской деятельности, в области государственного управления, регулировании общественных отношений в сфере правосудия по гражданским делам и т. д., — принудительные санкции не требуются; право и становится эффективным.

Фактический анализ гражданских дел, как и предпринятое нами исследование, в том числе в форме анкетирования в кругу судей и практикующих юристов, реального опыта (в период пандемии и после нее) — указывает на существование острой потребности в дальнейшем совершенствовании понимания и объяснения гражданского процессуального права. Иными словами, современная теория гражданского процесса требует динамического, а не статического подхода.

Необходимость интегрального правопонимания в области изучения явлений права и суда вкупе с коммуникативным подходом всё яснее чувствуется в российской науке¹.

Отсюда вытекает, что решение серьезных вопросов, связанных с неправильным применением процессуальных норм, должно быть найдено не только путем изучения проблемы «защиты добросовестности» в теоретическом аспекте; тогда, когда наука больше не занимается реальностью, такое стремление приводит юристов к глубочайшим заблуждениям. Чрезмерный акцент на нормативном материале при обращении к данной проблематике еще менее оправдан, поскольку требует пристального внимания к процессуальной, институциональной и иной практике — реальному юридическому опыту (к правовой культуре и традициям) в области гражданского судопроизводства.

Несмотря на все оговорки при обсуждении категории добросовестности в гражданском судопроизводстве, в науке и правоприменении признается, что процессуальное право нуждается для своей реализации в применении принуждения в виде санкций: либо условного, либо безусловного. Все дальнейшее разнообразие средств принуждения (физическое в смысле теории принуждения, психологическое в виде различных санкций, которые имеют в большинстве случаев характер социального порицания) зависит уже от характера процессуального правонарушения и тяжести обстоятельств поведения недобросовестных субъектов в гражданском судопроизводстве. Таким образом обеспечивается нормальный ход рассмотрения дела и гарантируется успешное правосудие. Поскольку подобная возможность принуждения вытекает из самой коммуникативной природы права, основанной на неразрывной связи процессуальных прав и обязанностей, то ее необходимо принимать во внимание. В этом контексте для того, чтобы оградить себя от возможных недоразумений, не следует отождествлять формально установленное внешнее принуждение со сходным феноменом

¹ Эти подходы в той или иной мере разделяются многими представителями российской правовой мысли (см. напр.: [14]).

санкционирования, которое имеет характер социального порицания для проявлений недобросовестности на суде. Тогда как само санкционирование, мы полагаем, необходимо четко разграничивать от механизма процессуальных гарантий осуществления правосудия, которые в то же время являются выражением социальной гарантии улучшения эффективности судебного процесса по гражданскому делу.

Сегодня необходимость этих изменений в изучении и развитии области гражданской юстиции является осознанием того обстоятельства, что современная судебная система играет важную роль разрешении споров, так как позволяет гарантировать безопасность, а также поддерживать стабильность в обществе.

Но еще старые российские авторы обоснованно указывали: не следует обманываться видимостью «социальных вещей»... Очевидно, что так называемый предметный подход к необходимости выделения принципа добросовестности в гражданском процессе основывается на ложной логической посылке: несамостоятельная, инструментальная функция гражданского процессуального права отвергает собственные ценности гражданского процесса (зачастую бесспорно необходимые). И наконец, последнее, но не менее важное замечание: рассматривая явление суда как социолого-психологический феномен, можно сказать, и это не будет преувеличением, что не принуждение — как одна из реакций на нарушение юридических норм — играет в праве первую роль, а сама реакция — в форме оспаривания правонарушающих действий¹. Именно поэтому в случае патологии (разрыва правовой коммуникации) и прибегают и к принуждению, и к процедурному оспариванию. В этом же ключе можно говорить и том, судопроизводство никогда не существует само для себя, оно накладывается на субстантивное процессуальное право — право на судебную защиту, на справедливое рассмотрение дела.

Выводы

Последние изменения в судопроизводстве по гражданским делам (во время и после пандемии, в особенности) свидетельствуют, что развитие гражданского процессуального права должно основываться не только на национальном опыте процессуальной теории и судебной практики, но и учитывать реальный опыт в области отечественного правосудия. В то же время последние тенденции показали, что поправки к процессуальному законодательству должны соответствовать не только родной «почве» — реальному опыту в сфере судопроизводства по гражданским делам, но и закономерностям, общим идеям и основным принципам судебного рассмотрения [6, 19, 22, 24]. Обсуждение и решение вопросов защиты добросовестности невозможно вне контекста процессуальных гарантий, обеспечивающих справедливое и эффективное судопроизводство. Только следование фундаментальным принципам судебной

---

¹ Это хорошо известное мнение о роли принуждения в праве в свое время высказал французский юрист — социолог права Ж. Карбонье [7].

процедуры позволит на уровне системного проектирования скоординировать всю работу, направленную на развитие судебной системы и, избегая отвлечений на решение каждой проблемы по отдельности, сделать судопроизводство по гражданским делам действительно действенным и эффективным.

Согласно новым тенденциям цифровизации в развитии системы правосудия в России, эффективность судебных процессов по гражданскому делу гарантируется применением различных видов регулирования и контроля, включая стандарт добросовестности в гражданском процессуальном законодательстве. Идея добросовестности в гражданском процессе, по нашему убеждению, находит свои корни в добросовестном иске римского права. То же самое относится и к истории испробованных и применяемых на практике мер борьбы с недобросовестностью в гражданском процессе. Это правило содержит в себе этические ценности, такие как честность, справедливость и мораль при ведении дел на суде. В этом контексте и с этой точки зрения специальное положение, посвященное принципу добросовестности в гражданском судопроизводстве, должно найти нормативное закрепление в специальной статье ГПК РФ. Хочется надеяться, что предложение о введении принципа добросовестности в гражданское процессуальное законодательство России найдет отклик в науке и на законодательном уровне.

В ходе современных реформ — в условиях цифровой трансформации услуг правосудия в особенности — центр тяжести в решении проблемы доступности правосудия передвинулся с формальной защиты индивидуальных прав и общественных интересов — на улучшение эффективности судебных процессов по гражданскому делу, обеспечение стабильности и безопасности в обществе. В конечном итоге предполагается, что индивидуальное судебное разбирательство может иметь более широкое значение, чем само разрешение индивидуального спора. Уместно напомнить, что слово (*la justice, legal justice*) имеет двойное значение — это и правосудие, и справедливость (то есть речь идет о справедливом правосудии и правосудной справедливости).

Дальнейшее обсуждение поставленных в статье вопросов представляется нам особенно важным в современной «гражданской процессуальной ситуации» в связи с развитием информационно-коммуникативных технологий. Более того, сегодня мы являемся свидетелями новых всплесков пандемии, возможны иные чрезвычайные ситуации, в рамках которых умение дистанционно в цифровой форме взаимодействовать с государством окажется не только безальтернативным, но и спасительным.

Вместе с тем обсуждения данной темы показывают, что в кругу практикующих юристов и правоведов высказываются обоснованные предостережения относительно рисков виртуального общения участников процесса. На самом деле применение современных технологий в ряде случаев выступает поводом для злоупотребления процессуальными правами (сообщение недостоверных сведений, затягивание процесса, ангажированность будущего решения и т. п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Злоупотребление правом в гражданском процессе России / А. А. Алексеев // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 1. С. 51-55.
2. Боловнев М. А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Боловнев. Омск, 2018. 234 с.
3. Брем В. Собственная оценочная система в гражданском процессе (Eigene Wertungen Des Zivilprozessrechts) (из «Введения к комментарию гражданского процессуального Уложения Германии» под редакцией Stein/Jonas. 22 издание. 2013) / В. Брем // Вестник гражданского процесса. 2016. № 4. С. 187-197.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 183-ФЗ: по сост. на 31.07.2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4531.
5. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. М.: Издательство Статут, 2001. 411 с.
6. Гун Нань. Новые тенденции и особенности развития системы гражданского процессуального права Китая / Нань Гун // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 11 (1). С. 192-206.
7. Карбонье Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. М.: Прогресс, 1986. 352 с.
8. Лебедев М. Ю. Диффузия цивилистических принципов в гражданское процессуальное право (на примере принципа добросовестности) / М. Ю. Лебедев // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 244-260.
9. Пермяков А. В. Межотраслевой модельный подход к разграничению добросовестности и невиновности в гражданском праве России / А. В. Пермяков, Д. А. Кириллов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические науки и правовые исследования. 2019. Том 5. № 2. С. 155-170. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-155-170
10. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
11. Постановление № 25 пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2015. № 8. 48 с.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2018 г. № 43-П // Собрание законодательства РФ. 2018. Ст. 7492.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.10.2017 г. № 24-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 44. Ст. 6569.
14. Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.
15. Рязановский В. А. Единство процесса / В. А. Рязановский. М.: Городец, 2005. 80 с.
16. Сахнова Т. В. О реформах гражданского процесса 2018-2019 гг.: взгляд сверху / Т. В. Сахнова // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 12-29.
17. Сухова Н. В. Двойные стандарты современной процессуальной юриспруденции и связанных с ней преобразований сферы разрешения споров / Н. В. Сухова // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 176-191.

18. Третьякова Т. О. Проблемы злоупотребления процессуальным правом в гражданском и арбитражном процессе / Т. О. Третьякова // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 2 (23). С. 418-420.
19. Туманов Д. А. Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства / Д. А. Туманов // Законы России. 2020. № 8. С. 3-17.
20. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Юдин. СПб., 2009. 47 с.
21. Civil litigation in China and Europe: Essays on the role of the judge and the parties / edited by C. H. Van Rhee, Yulin Fu. Dordrecht: Springer; Beijing: China-EU School of Law, 2014. 359 p.
22. Nylund A. The structure of civil proceedings — convergence through the main hearing model? / A. Nylund // Civil Procedure Review. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 13-39.
URL: <https://civilprocedurereview.com/blog/editions/the-structure-of-civil-proceedings-convergence-through-the-main-hearing-model-anna-nylund/>
23. Report from the Transnational Civil Procedure — Formulation of Regional Rules. ELI-UNIDROIT Rules of Transnational Civil Procedure to European Rules of Civil Procedure Steering Committee and Working Group Joint Meeting. Rome, 9-10 April 2018. URL: <https://www.unidroit.org/english/documents/2018/study76a/s-76a-08-e.pdf>.
24. Transformation of Civil Justice: Unity and Diversity / edited by A. Uzelac, C. H. Van Rhee, Hendrik (Remco) Cornelis. Cham: Springer, 2018. 420 p.
25. Weiping Z. Changes of civil litigation system since the reform and opening up / Z. Weiping // Rén mín jiǎn chá. 2019. No. 1. Pp. 33-40.

Nadezhda V. SUKHOVA¹
Faniya F. CHAMALETDINOVA²

UDC 347.9:341.641

**PASSIVE PROCEDURAL POSITION
AND THE PROBLEM OF DISHONESTY OF THE PARTIES
IN CIVIL PROCEEDINGS**

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
University of Tyumen
n.v.sukhova@utmn.ru

² Master Student of Law,
Department of Civil Law and Process,
University of Tyumen
stud003924602@study.utmn.ru

Abstract

This article examines the approach of legal science and law enforcement to the issue of abuse of rights. The authors emphasize that the reform of procedural legislation in the first two decades of the 21st century corresponds to the tendencies of internationalization of the civil process, within the framework of which the principle of accessibility of justice in its true understanding as a legal value is concretized. In this sense, the authors state that the abuse of the right to sue is one of the most important problems of civil procedural law, requiring a solution in order to increase the fairness and efficiency of national legal proceedings.

The analysis of a passive procedural position is carried out in the path of abuse of law. The authors acknowledge that, in connection with the COVID-19 pandemic, the need to severely punish dishonesty of the parties in court in order to promote good faith in civil proceedings is a response to the established jurisprudence. In addition, this article draws attention to the fact that the most important problems today are related to the improvement

---

Citation: Sukhova N. V., Chamaletdinova F. F. 2020. "Passive procedural position and the problem of dishonesty of the parties in civil proceedings". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 4 (24), pp. 172-191.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-172-191

---

of mechanisms for encouraging the execution of procedural laws and rules of civil proceedings, and not just the system of punishment for dishonest behavior. This formulation of the practical problem determines the research methodology. According to the authors, the solution of serious problems associated with the dishonesty of the parties should be based not only on a theoretical (and monistic) approach, but on a pluralistic and communicative approach. And in this sense, this study is new.

This article concludes that the failure of the procedural theory in the study of the phenomenon of abuse of rights and the explanation of conscientiousness in the civil proceedings is a fact of scientific development, subject to methodological research — a methodological assessment of this fact; the question arises about the essence of the phenomenon; special purposes of civil procedure — the directions of development of procedural law inevitably give rise to their own legal interpretations, in particular, this is observed in the case of assessing the good faith in the judicial proceedings for purposes of other branches of law.

Keywords

Abuse of procedural rights, principle of good faith in civil proceedings, concussion and legal sanctions in civil procedure law.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-172-191

REFERENCES

1. Alekseev A. A. 2017. “Right abuse in civil proceedings of Russia”. Bulletin of YuUrGU. Series: Law, no. 1, pp. 51-55. [In Russian]
2. Bolovnev M. A. 2018. “Effectiveness of combating abuse of procedural rights”. Cand. Sci. (Jur.) diss. Omsk. 234 pp. [In Russian]
3. Brehm W. 2016. “Own grading system in civil procedure (from the “Introduction to the commentary of the Civil procedure code of Germany” edited by Stein/Jonas. 22 edition. 2013)”. Herald of Civil Procedure, no 4, pp. 187-197. [In Russian]
4. RF Civil Procedure Code of 14 November 2002 No. 183-FZ (as of 31 July 2020). In: *Sobranie zakonodatelstva RF*, no. 46, art. 4531. [In Russian]
5. Gribanov V. P. 2001. *Limits of Exercise and Protection of Civil Rights*. Moscow: Statut. 411 pp. [In Russian]
6. Gun Nan. 2020. “New trends and features of the development of the civil procedure law system in China”. Bulletin of Saint Petersburg University. Law, no. 11 (1), pp. 192-206. [In Russian]
7. Carbonnier J. 1986. *Sociologie juridique*. Moscow: Progress. 352 pp. [In Russian]
8. Lebedev M. Iu. 2020. “The diffusion of the civil law principles in civil procedure law (the case of the principle of good faith)”. Herald of Civil Procedure, no. 3, pp. 244-260. [In Russian]
9. Permyakov A. V., Kirillov D. A. 2019. “International model approach to the distinction between conscientiousness and innocence in Russian civil law”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no. 2, pp. 155-170. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-155-170 [In Russian]

10. Petrazycki L. I. 2000. Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. Saint Petersburg: Lan. 608 pp. [In Russian]
11. RF Supreme Court Decree of 23 June 2015 No. 25. Byulleten Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii, no. 8. 48 pp. [In Russian]
12. RF Constitutional Court Decree of 16 November 2018 No. 43-P. Sobranie zakonodatelstva RF, art. 7492. [In Russian]
13. RF Constitutional Court Decree of 17 October 2017 No. 24-P. Sobranie zakonodatelstva RF, no. 44, art. 6569. [In Russian]
14. Chestnov I. L. (ed.). 2016. Post-Classical Ontology of Law. St. Petersburg: Aleteya. 688 pp. [In Russian]
15. Ryazanovsky V. A. 2005. Unity of the Process. Moscow: Gorodets. 80 pp. [In Russian]
16. Sakhnova T. V. 2020. "On the reform of civil procedure in 2018-2019: a view from above". Herald of Civil Procedure, no. 3, pp. 12-29. [In Russian]
17. Sukhova N. V. 2015. "Double standards of modern procedural jurisprudence and their associated changes in the field of dispute resolution". Herald of Omsk University. Series "Law", no. 2 (43), pp. 176-191. [In Russian]
18. Tretyakova T. O. 2018. "Problems of abuse of procedural law in civil and arbitration proceedings". Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal, no. 2 (23), pp. 418-420. [In Russian]
19. Tumanov D. A. 2020. "Some reflections on justice and optimization of legal proceedings". Zakony Rossii, no. 8, pp. 3-17. [In Russian]
20. Yudin A. V. 2009. "Abuse of procedural rights in a civil proceeding". Dr. Sci. (Jur.) diss. abstract. Saint Petersburg. 47 pp. [In Russian]
21. Van Rhee C. H., Fu Yulin. (eds.). 2014. Civil litigation in China and Europe: Essays on the role of the judge and the parties, Dordrecht: Springer; Beijing: China-EU School of Law. 359 pp.
22. Nylund A. 2018. "The structure of civil proceedings — convergence through the main hearing model?". Civil Procedure Review, vol. 9, no. 2, pp. 13-39. Accessed 15 August 2020. <https://civilprocedurereview.com/blog/editions/the-structure-of-civil-proceedings-convergence-through-the-main-hearing-model-anna-nylund/>
23. Report from the Transnational Civil Procedure — Formulation of Regional Rules. ELI-UNIDROIT Rules of Transnational Civil Procedure to European Rules of Civil Procedure Steering Committee and Working Group Joint Meeting. Rome, 9-10 April 2018. <https://www.unidroit.org/english/documents/2018/study76a/s-76a-08-e.pdf>
24. Uzelac A., Van Rhee C. H., Cornelis Hendrik (Remco). (eds.). 2018. Transformation of Civil Justice: Unity and Diversity, Cham: Springer. 420 pp.
25. Weiping Z. 2019. "Changes of civil litigation system since the reform and opening up". Rén mín jiǎn chá, no. 2, pp. 33-40. [In Chinese]